

ГЛАВА 1

Бескрайнее море высокой травы, покрытое пеной первоцветов, накатывало свои волны на острова высоких дубов, пеканов и орехов. Бледно-голубое небо словно выгорело по краям под лучами поднимающегося солнца. Скоро жара станет такой сильной, что дети смогут улизнуть на берег Навасоты, чтобы поплескаться в ее прохладных водах в тени деревьев. Теплый восточный ветер врвался в ворота частокола, предвещая гостей. Майское утро — время солнца, мира, открытых ворот и... индейцев.

Внутри высокой деревянной ограды форта Паркеров двадцать шесть человек замерли, словно статуи: за воротами десятки раскрашенных воинов угрюмо восседали на своих невысоких лошадях. Один из них выпустил из руки грязный белый флаг, и тот, упав на землю, тут же был втоптан в пыль копытами его норовистого маленького коня.

«Отдай им корову, дядя Бен! Пожалуйста! Если им это нужно, отдай!»

Дробленое зерно холодило пальцы девятилетней Синтии Энн Паркер, сжимавшей в руках тыкву с кормом для цыплят. Холодок пощипывал кожу под отцовской рубашкой из колючего толстого холста. Залатанная, заношенная и ушитая так, что была велика всего на три или четыре размера, рубашка казалась выкрашенной той же бледной серо-бурой пылью, которая покрывала голые пятки девочки. Синтия смотрела на мужчин у ворот, словно крольчонок в змеиные глаза.

Дядя Бен сказал, что они очень просили. Но корова? Что будут сто индейцев делать с единственной коровой? Зажарят ее за воротами форта? Уедут, гоня эту единственную корову перед собой? Неважно. Дядя Бен все равно бы ее не отдал. Паркеры не одобряли попрошайничество. Лучше бы он велел им ехать своей дорогой, чтобы все могли вернуться к своим делам. Возможно, ее дед, пресвитер Джон, прочел бы на воскресной службе проповедь о праздности. От дурных предчувствий свело живот и похолодело в груди. Она услышала стук собственного сердца.

Рядом, нервно теребя перепачканными мукой руками грубый полотняный фартук, замерла ее кузина, пятнадцатилетняя

Рэчел Пламмер. Остальные женщины стояли в дверях своих хижин, выстроенных в два ряда вдоль северной и южной стен частокола. Домишки были крошечными и тесными, но безопасности ради все семь были втиснуты внутрь форта. Из загона напротив ворот крупная чалая Бена Паркера заржала в ответ на негромкое ржание лукавого индейского коняки.

Посреди голого двора у огромного вонючего чана, в котором из щелока и жира варилось липкое мыло, застыла Ребекка Фрост. В правой руке она, словно дубинку, сжимала длинную деревянную мешалку. Запах утреннего кофе перемешивался с дымом от ее костра и теплым, тяжелым запахом кораля.

Возле хижины пресвитера Джона на вытертом бревне, служившем скамейкой, с вязанием на коленях сидела бабушка Паркер, прервавшая свою библейскую историю и глядевшая вместе с маленькими детьми на бронзовокожую толпу за воротами.

На вздетых к небу тонких индейских копьях трепыхались и покачивались перья. На кожаных леггинах¹ весело позвякивали латунные подвески, отражаясь от которых лучи солнца устремлялись в обращенные на восток ворота, распахивавшиеся им навстречу каждое утро. Приглушенно ворковавшие горлицы словно посмеивались над беспечностью, с которой люди оставили тяжелые деревянные ворота открытыми. Те немногие мужчины, кто не вышел этим утром в поля, оказались безоружными.

«Джон, будешь плохо себя вести, отдадим тебя индейцам, — зазвучал в голове Синтии мягкий неторопливый голос матери, обращавшейся к ее младшему брату. — Отдадим тебя индейцам, малыш».

Краем глаза Синтия заметила Сэмюэля Фроста, пытавшегося проскользнуть вдоль стены своей хижины. Его рубашка из плотного хлопка цеплялась за грубое дерево. От индейцев его скрывал высокий дымоход, сложенный из бревен, но в тишине двора казалось, что каждое его движение возмущает воздух и эти возмущения неминуемо дойдут до воинов и предупредят их. Она задержала дыхание, пока он не укрылся в хижине, где лежало его новое ружье. Оно могло делать больше трех выстрелов в минуту. Сотня индейцев — и ружье, способное за минуту убить троих из них.

«Папочка, пожалуйста, закрой ворота! Поскорее!»

¹ Часть мужской одежды. Отдельные, грубо скроенные штанины, которые привязывались к поясу. — *Примеч. ред.*

Скованная страхом, она стояла в пыли и наблюдала за разворачивавшимися событиями. Дядя Синтии Бен Паркер отвел руку брата Сайласа и направился к индейцам. Любимый дядюшка Бен, большой, со смешливыми голубыми глазами, гладкими черными волосами и руками, в которых игрушки, что он постоянно мастерил для детей, казались совсем крошечными. Теперь, стоя в деревянной пасти ворот, он казался маленьким и одиноким. Ее отец Сайлас Паркер замер рядом, готовый закрыть тяжелую створку.

— Господи... — прошептала Рэчел.

Волна всадников захлестнула Бена. Когда она схлынула, он остался лежать, утыканный копьями команчей, кайова и кэддо. Завывая, словно проклятые души в аду, всадники объехали его и устремились в открытые ворота. Женщины, дети и кудахчущие куры, уворачиваясь от лошадиных копыт, бросились врассыпную. Их крики отражались от деревянных стен и сливались в один оглушительный вой.

Съездившись в углу между очагом и стеной, Синтия остолбенело смотрела на творящийся кошмар. Она видела, как на другой стороне двора юный Генри Уайт вскочил со скамейки и ухватился за край крыши невысокой хижины. Он яростно болтал ногами в воздухе, пытаясь нащупать босыми ступнями опору на бревенчатой стене, в то время как его руки цеплялись за грубые доски крыши. Казалось, он раскачивался так целую вечность, пока не сумел подтянуться и забросить ногу на край кровли. Генри стал карабкаться наверх — где-то далеко впереди был примыкающий к крыше спасительный частокол. Коленки мальчика под мешковатыми изорванными кордовыми брюками были разбиты в кровь о неровный край крыши.

Один из команчей подскакал к нему. Его конь разметал сваленные в кучу кукурузные початки и опрокинул верстак мистера Фроста, разбросав грубые деревянные инструменты. Поднявшись на стременах на полном скаку, индеец ухватил Генри за тощие лодыжки и рванул на себя. Мальчик вцепился в доски крыши. Он держался, пока длинные занозы не вонзились под ногти, и тогда его сорвали, словно недозрелый фрукт, и, кричащего от боли и ужаса, швырнули прямо в гущу бесновавшихся внизу налетчиков.

Роберт Фрост отбивался от нападавших отцовским теслом на длинной ручке, отчаянно пытаясь прикрыть отступление матери и сестры. Но при очередном замахе у него вырвали

оружие из рук, и он, потеряв равновесие, рухнул в пыль под копыта лошадей, тщетно пытаясь прикрыть голову и живот. Всадники разворачивали и пускали упрямящихся лошадей вскачь прямо по лежащему телу, пока оно не перестало напоминать человеческое.

Наоми Уайт бросилась к воротам. Ее длинная юбка развевалась на бегу, и неожиданно подол опутал ноги. Она покачнулась и взмахнула руками, чтобы не упасть. Вцепившись в полинялую ткань, она подтянула юбку выше колен и побежала через охваченный переполохом двор, словно испуганная лань. Из двери прямо ей под ноги, оставляя за собой дорожку из бобов, выкатилась приземистая чугунная жаровня. Перепрыгнув через нее, девушка угодила босой ногой в мягкое кровавое месиво, оставшееся от ее любимой курочки. Визжа от ужаса и заливаясь слезами, она остановилась и принялась шаркать ногой по пыли, позабыв обо всем, кроме теплого, сырого мяса и перьев, застрявших между пальцами. Но тут она ощутила резкий укол в бок, а затем еще один — в грудь. Оторвав взгляд от нацеленного на нее копья, она уставилась в раскрашенное лицо, рядом с которым оказалось с полдюжины других. Они погнали ее, все еще плачущую, в центр двора, где возле мыльного чана угрюмо стояли другие пленницы — миссис Дьюти и Ребекка Фрост.

Высокая, костлявая Сара Никсон обороняла дверь в свою хижину, словно медведица вход в логово с медвежатами. Ее огромная чугунная сковорода, расплескивая во все стороны растопленное с утра сало, угодила индейцу в мускулистое бедро. Вокруг, почуввав забаву, собрались воины. С шутками и смехом, не слезая с коней, они тыкали в ее сторону копьями, будто бы фехтуя со сковородкой. Наконец двое из них набросили на шею женщине петли, захватившие клочок длинных сидящих волос, выбившихся из пучка на затылке, и потащили за собой. Чтобы не упасть и не волочиться по земле, она, задыхаясь и спотыкаясь, побежала туда, где стояли остальные женщины.

Сквозь вопли и боевые кличи доносились размеренные удары — несколько индейцев тупыми концами копий били по пузатому чугунному котлу. Их товарищи подцепили край котла древками и принялись его раскачивать. Котел медленно наклонился, и вязкая серая масса потекла к его краю. Наконец котел покачнулся и опрокинулся, словно лавой окатив

ноги женщин кипящим щелоком и жиром. Вид скользящих в горячей жиже женщин, чьи ноги мгновенно покраснели, вызвал у индейцев взрыв хохота. Одну за другой их переловили арканами и потащили по грязи, чтобы сделать служанками тех, кто теснился вокруг них, расталкивая друг друга локтями. Шум во дворе прорезал истошный вопль юной Сьюзен Паркер, которую проволокли на веревке прямо через костер, разметая во все стороны искры и тлеющие угли.

Индейцы, движимые первобытными инстинктами хищников, бросались вдогонку за всем, что быстро двигалось. Синтия же не двигалась вовсе: она застыла, вжавшись в стену хижины и все еще прижимая к себе тыкву с зерном. Сквозь хаос, царивший во дворе, она всматривалась в одну точку — вдалеке, словно через перевернутую подзорную трубу, она вдруг отчетливо увидела отца. Он висел, пригвожденный дюжиной стрел, на тяжелой створке ворот, которую не успел закрыть. Одна рука Сайласа Паркера безвольно повисла на большом деревянном засове, голова поникла, макушка была залита кровью. Через мгновение поднявшиеся облака пыли вновь закрыли от нее безжизненное тело.

Испуганный стон Синтии перешел в истошный крик, словно она пыталась заглушить звуки смерти. Она кричала не переставая, пока мать не развернула ее к себе и не встряхнула так, что тыква с зерном вылетела из рук. Ногти Люси Паркер впились в нежную руку девочки, и резкая боль привела ее в чувство.

— Найди Джона, — сказала мать.

Ее голос тонул в страшном шуме, но движения губ были вполне отчетливыми. Держа в одной руке двухлетнюю Орлену, а другой сжав руку младшего Сайласа, она кивнула в сторону задней стены частокола.

Синтия тихо скользнула вдоль хижин, бросая дикие взгляды на происходящее во дворе. Сквозь пыль, дым и мелькающие лошадиные ноги она пыталась увидеть младшего брата. Если он не спрятался, значит, уже мертв. Индейцы, размахивая бизоньими шкурами, выгоняли из кораля перепуганных лошадей, и те с пронзительным ржанием носились внутри ограды, топчя все на своем пути.

Вдруг она заметила Джона, ошалело выглядывавшего из-за большой бочки с водой. Она бросилась к нему через открытое

пространство и утащила за угол дальней хижины, стоявшей возле задней стены форта. Там, в частоколе, была прорезана небольшая дыра, через которую таскали воду из родника у подножия холма. Люси Паркер уже была на другой стороне.

Синтия толкнула Джона к дыре и присела, чтобы последовать за ним. Услышав знакомый голос, она обернулась. Толпа индейцев с гиканьем и криками толкала бабушку Паркер, срывая с нее одежду. Она кричала на них, отталкивая копыя, острия которых цепляли и рвали в клочья ее юбку. Девочка увидела, как ее бабушку повалили на спину. Двое воинов держали ее за руки, еще двое раздвинули ноги. Пятый стоял над ней. Он поднял копьё и обеими руками вогнал его в землю сквозь плечо старухи. Синтии показалось, что она услышала, как проскрежетал металл по кости — словно ногти по грифельной доске. Индейцы принялись распускать набедренные повязки. Девочка инстинктивно поняла, что они собираются делать и что бабушкин возраст их не остановит.

Она полезла через дыру в частоколе, преследуемая видением худого белого тела бабушки, которая корчилась и визжала, прибитая к земле. Нечеловеческие крики разносились над мирными холмами, разрезая воздух. Неровные края грубо прорезанного отверстия цепляли Синтию за косички и рвали рубашку. Задышавшись от рыданий, она дернула головой, оставив прядь пшеничных волос плясать на легком ветру, врывавшемся через открытые ворота. Девочка бросилась вслед за матерью, бегущей на запад к густым зарослям вдоль реки. Склон холма был усыпан колючками и острыми камнями, скрытыми в высокой траве, но она обращала на них внимания не больше, чем на пыль и навоз, покрывавшие ее ноги.

Следом тяжело бежала Рэчел Пламмер, прижимая к бедру пятнадцатимесячного Джейми. Рэчел снова была на сносях и другой рукой поддерживала чуть увеличившийся живот. Индейские всадники то приближались к ней, то отворачивали лошадей, громко крича и улюлюкая, когда она, спотыкаясь, бросалась из стороны в сторону, чтобы увернуться. Двое всадников, колено к колену, устремились к ней. Когда, казалось, их кони вот-вот должны были ее затоптать, они вдруг разделились. Ловкими и точными движениями они подхватили ее, забросив женщину на одну лошадь, а Джейми — на другую. Развернув лошадей, они поскакали обратно к форту.

Паркеры уже почти достигли убежища. Там, в зарослях, Синтия могла бы их спрятать. В этом лабиринте переплетенных ветвей было ее прибежище за пределами форта, в котором она была почти такой же общественной собственностью, как и дробилка для кукурузы или бочка с водой. Хотя уединение и не числилось среди грехов, его поиски считались пустой тратой времени. Поэтому часы, проведенные в одиночестве за созерцанием заката или дорожки муравьев, были величайшим проступком в ее жизни. Теперь же она понимала, что в этом и состоял промысел Божий — Он не допустит, чтобы с ними приключилось что-то еще.

Земля под ногами задрожала — десятка полтора лошадей нагнали и окружили семью. Всадники скакали по кругу, сгоняя беглецов, точно скот. Четверо из них выехали из круга и легким галопом пустили лошадей к центру. Они остановились перед Люси, пытавшейся укрыть детей за длинной выцветшей юбкой. Ее усеянное веснушками лицо побледнело, но оставалось спокойным. Глаза голубыми льдинками впились в окружавшие ее раскрашенные маски. Джон выскочил и встал перед ней, оперев руки в бока и упрямо поджав губы, словно пухленький полевой мышонок, пытающийся прогнать стаю волков.

Внешнее кольцо всадников поредело — часть воинов разъехались в поисках другой добычи, остальные остались сидеть верхом на беспокойных лошадях. Яркие перья, украшавшие их щиты и коней, шуршали на ветру, придавая индейцам праздничный вид.

— Не смейте трогать маму, грязные безбожники! — зазвонел в наступившей тишине высокий голос Джона.

Один из четверых воинов заставил своего упитанного конька сделать несколько шагов к Джону. Воин оказался совсем близко, и Синтии показалось, что время остановилось. Она во всех подробностях смогла рассмотреть ноги всадника, которые до паха были затянуты в мягкие леггинсы из дубленой кожи с длинной бахромой и звенящими медными бусинами. Зад и торс были обнажены и бугрились мускулами. Одна из полос темно-синей набедренной повязки трепетала позади него, словно флаг. Узкая грудь была перетянута луком и колчаном. Серьга из четырех длинных цилиндров, висевшая в правом ухе, качнулась, когда он повернул голову, чтобы